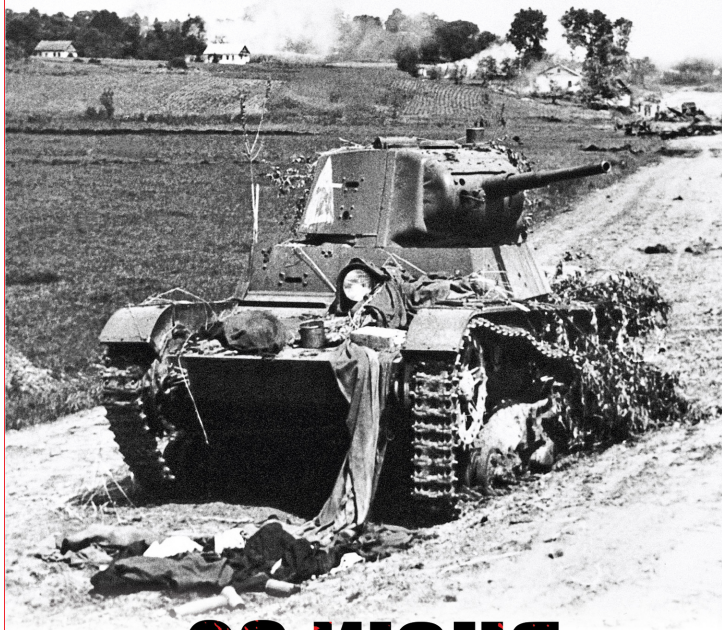

МАРК СОЛОНИН

23 ИЮНЯ – «ДЕНЬ М»

Марк Семенович Солонин
23 июня – «день М»
Серия «Великая Отечественная
война. Особое мнение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4943103
23 июня – «день М» / Марк Солонин: Яуза, Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-6040917-7-7

Аннотация

Культовая книга популярного историка, прославившегося бестселлерами «22 июня. Анатомия катастрофы» и «На мирно спящих аэродромах...», которые разошлись рекордными тиражами, сравнимыми с продажами книг Виктора Суворова. **Сенсационное расследование трагических событий 1941 года.**

Всесторонне проанализировав историю подготовки Советского Союза к Большой Войне и предвоенного стратегического планирования, автор приходит к ошеломляющему выводу – **в июне 41-го Гитлер, сам того не ожидая, опередил удар Сталина ровно на один день!**

Содержание

Предисловие	4
Часть 1 Колосс советский	17
Глава 1 Главная причина поражения	17
Глава 2 «Наступление является выражением превосходства»	37
Глава 3 «Броня крепка, и танки наши быстры...»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марк Солонин

23 июня – «День М»

«Самым ценным в РККА является новый человек Сталинской эпохи. Ему принадлежит в бою решающая роль. Без него все технические средства борьбы мертвы, в его руках они становятся грозным оружием».

п. 6 Полевого устава Красной Армии

Предисловие

«Современные писатели вроде Солонина в своих книгах берут только одну сторону. Что все бежали, побросали оружие и бежали. Но если бы Солонин был прав – тогда мы потерпели бы поражение. В этом логика жизни, логика исторических событий, и если люди этого не видят – им бесполезно заниматься историей».

М. А. Гареев, интервью агентству «РИА-Новости»

Что я могу на это возразить? Махмуд Ахметович Гареев, президент Академии военных наук, академик Российской академии естественных наук, член-корреспондент Академии наук РФ, доктор военных наук (бывают, представьте себе, и такие доктора), доктор исторических наук, профессор, бывший заместитель начальника Генерального штаба

Советской армии по научной работе и «прочих земель повелитель» высоко сидит, далеко глядит, а потому и занимается историей с большой пользой. Для себя лично. Партия и правительство щедро оценили его вклад в развитие советской военно-исторической науки. Махмуд Ахметович, кроме всего прочего, удостоен звания «генерал армии». Для тех, кто забыл, напоминаю, что это последняя ступенька перед вершиной, на которой сияют маршальские звезды. В свое время в звании генерала армии К. Мерецков и Г. Жуков руководили Генеральным штабом Красной Армии, а из пяти командующих войсками западных приграничных округов СССР только один (Д. Павлов) имел в июне 1941 г. столь высокое звание.

Генералу армии Гарееву тоже довелось принять участие в руководстве крупными группировками войск. В 1970–1974 гг. он служил начальником штаба Главного военного советника при командовании египетской армии. Под его непосредственным руководством была спланирована и осуществлена грандиозная операция, вошедшая в историю под названием «Война Судного дня» (октябрь 1973 г.). Война эта, как известно, закончилась тем, что решительные и экстраординарные действия Советского Союза спасли тогда Египет от полного разгрома (хотя египетские солдаты – в полном соответствии с «логикой жизни» – побросали оружие и побежали, не желая оплачивать брежневские авантюры своей единственной жизнью). В последний раз отвлечь-

ся от научной работы генералу Гарееву пришлось в 1989 г. Тогда, после вывода советских войск из Афганистана, его назначили главным военным советником при правительстве Наджибуллы. Неумолимая «логика исторических событий» привела марионеточный кабульский режим к краху. Для самого Наджибуллы эта история закончилась смертной казнью, а Махмуд Ахметович вернулся в Москву и получил орден Ленина. Казалось бы, личный опыт участия в ближневосточной и афганской войнах должен был нагляднейшим образом убедить генерала Гареева в том, что ни огромный численный перевес, ни подавляющее техническое превосходство не могут спасти армию, солдаты которой не желают воевать. Увы, «полезные занятия» историей по-советски помешали товарищу Гарееву увидеть и признать эту простую «логику жизни».

Скажу честно – мне (да и не только мне) имя М.А. Гареева стало известно только благодаря В. Суворову, который в своей книге «Последняя республика» привел несколько примеров изумительного невежества главного военного историка СССР. С тех пор такие перлы, как «опиум войны» и «38-тонные танки» (таким незатейливым образом наш трижды академик расшифровывал немецкое обозначение легкого танка чешского производства Pz-38(t)), стали ходячим анекдотом в узких кругах военных историков. Памятуя, однако же, о том, что негоже ругать то, что не читал лично, я решил пролистать самые свежие («постперестроечные») ра-

боты М.А. Гареева. Да-да, именно «самые свежие». Дело в том, что, несмотря на почтенный возраст (в 2003 г. был отмечен 80-летний юбилей), генерал Гареев является не бывшим, не «почетным», а самым что ни на есть действующим президентом Академии военных наук. Официальная биография выдающегося ученого содержит упоминание о 250 (!!!) опубликованных научных работах...

С первых же минут чтения стало ясно – Махмуд Ахметович не стареет душой и не «изменяет принципам». Что, несомненно, заслуживает всяческого уважения. Да и кому не будет приятно перенестись, хотя бы мысленно, хотя бы с книжкой в руках, в незабвенные годы пионерского детства? Десятки и сотни страниц текста заполнены общими рассуждениями, лишь изредка прерываемыми такой конкретикой: *«Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий Германии и ее союзников... На советско-германском фронте была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. самолетов, около 50 тыс. танков и штурмовых орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов».*

Сильно сказано. 507 дивизий. Это когда же у Германии была армия такой численности? Знает ли главный военный историк России о том, сколько людей и лошадей, артиллерийских орудий и подготовленных командиров требовалось для укомплектования одной пехотной дивизии вермах-

та? Сколько людей в корпусных и армейских частях, в тыловых, транспортных, санитарных службах должны обеспечивать боевую работу этой дивизии? Весной 1940 г. во всей сухопутной армии Германии числилось 156 дивизий. 22 июня 1941 г. на западной границе Советского Союза в составе Групп армий «Север», «Центр» и «Юг» было сосредоточено 115 дивизий вермахта и боевых частей СС. В дальнейшем группировка немецких войск на Восточном фронте возрастала на десятки дивизий, но отнюдь не в разы. И что самое примечательное – через два абзаца Гареев (или те аспиранты-троечники, которые писали за него очередной, 251-й «научный труд») сообщает: *«В июне 1944 г. против Советской Армии действовало 181,5 немецкая дивизия... Перед завершающей кампанией 1945 г. советские войска имели против себя 179 немецких дивизий»*. Где же и когда же было разгромлено «507 немецко-фашистских дивизий»? Не хотелось бы заниматься гаданием, но, может быть, доктор военных наук имел в виду что-то вроде: «потери немецких войск на Восточном фронте за четыре года войны были столь велики, что этим количеством личного состава можно было бы укомплектовать 507 дивизий»? Не говоря уже о том, что такой подход к оценке численности армии противника уместен разве что в стенгазете трикотажной фабрики, цифры опять же не сходятся. 507 пехотных дивизий вермахта – это 8 млн. человек, а все безвозвратные (убитые, пропавшие без вести, пленные) потери вермахта и боевых частей СС за 6

лет войны на всех фронтах (!) оцениваются цифрой порядка 4,6 млн. человек.

Одно из двух: или печатная машинка, или арифмометр у академика Гареева поломанные. Ничуть не в лучшем состоянии находится и его курвиметр. Прошу не вздрагивать – это такая палочка с маленьким колесиком на конце. При помощи этого прибора измеряется длина кривых линий на географической (топографической) карте. К чему это я? А вот к чему: *«Небывалым в истории был пространственный размах вооруженной борьбы на советско-германском фронте. С первых же дней она развернулась здесь на рубежах протяжением свыше 4 тыс. км»*. В первые дни войны вермахт наступал на фронте от устья Немана на севере до Карпатских гор на юге. От Клайпеды до Самбора. Это порядка 800 км по прямой. Но граница до войны (и линия фронта после ее начала) не была прямой. Это причудливо петляющая кривая линия. Ее длина была промерена еще задолго до первых оружейных залпов на границе. Результаты опубликованы сотни раз. Напоминаю: Северо-Западный фронт (8-я и 11-я Армии) – 300 км, Западный фронт (3-я, 10-я, 4-я Армии) – 470 км, Юго-Западный фронт (5-я, 6-я, 26-я Армии) – 410 км. Итого – 1180 км фронта. Округленно – 1200, но никак не 4000. Ладно, предположим, что исправного курвиметра в Академии военных наук нет. Это я вполне могу допустить. Но неужели же генерал армии, заместитель начальника Генерального штаба огромной страны не понима-

ет, что своей фразой про «4 тыс. км фронта» он высек сам себя больше, чем злополучная унтер-офицерская вдова? Махмуд Ахметович, сколько войск надо иметь для успешного наступления на фронте в 4 тыс. километров? Хватит ли для такого великого подвига и тех «507 дивизий вермахта», которые насчитали ваши референты? Неужели же во всей Академии военных наук нет ни одного экземпляра предвоенного Полевого устава Красной Армии (ПУ-39)?

Параграф 98 этого основополагающего документа предусматривает следующую плотность построения боевых порядков при наступлении: *При атаке сильно укрепленных полос и УР — 2 км для дивизии, на второстепенных направлениях — от 5 до 6 км*». Если даже считать нерушимые рубежи Советского Союза, вдоль которых было сформировано 15 укреп-районов (Тельпийский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский), жалким «второстепенным направлением», которое прикрывает третьесортная армия, то и в этом случае для наступления на фронте в 4 тыс. км требуется 666 дивизий. Где же их было взять? Хорошо, согласимся с тем, что для командиров вермахта ПУ-39 не обязателен. Посмотрим, как воевали немцы практически.

10 мая 1940 г. немецкое командование сосредоточило 77 дивизий на фронте протяженностью порядка 350 км. Сред-

ная оперативная плотность – 4,5 км на дивизию. Средняя. На направлении главного удара, в 130-км полосе от Льежа до Седана, наступали две немецкие армии (4-я и 12-я) в составе 23 пехотных, 7 танковых и 5 моторизованных дивизий. Оперативная плотность – 3,7 км на дивизию. Через две недели, с 10 по 24 мая, немецкие танки вышли к Ла-Маншу, преодолев 300–350 км. Средний темп наступления моторизованных соединений составил 26 км в день. Отечественные историки и по сей день не стесняются называть это «триумфальным маршем вермахта по Франции». Если же верить академику Гарееву, то в июне 1941 г. вермахт наступал (причем еще быстрее!) на фронте в 11 раз большей протяженности, имея при этом всего лишь в 1,5 раза большее число дивизий. Как такое стало возможным, если версию о том, что бойцы и командиры Красной Армии *«бросали оружие и бежали»* М.А. Гареев решительно отвергает?

После таких «перлов» как-то уже спокойнее воспринимается совершенно феерическая фраза о том, что в общий перечень *«уничтоженной военной техники вермахта»* вошло и *«70 тыс. самолетов»* (эта цифра завышена как минимум в пять раз) и даже *«2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов»*. Даже барон Мюнхгаузен, пролетая на пушечном ядре над Черным и Балтийским морями, не смог бы обнаружить там такое количество боевых кораблей Германии. Причина этому предельно проста: в Черном море крупных кораблей не было вовсе. Турция, сохраняя

лояльность по отношению к Англии и СССР, не разрешила проход немецкого флота через Босфор и Дарданеллы, в результате чего под красным флагом с фашистской свастикой на Черном море плавало лишь то, что можно было перевезти из Германии в румынские порты по железной дороге: подводные лодки сверхмалого класса, торпедные катера, разборные десантные баржи, разборные же самоходные паромы и т. п. На Балтике было что топить, да вот только топить было некому. Краснознаменный Балтфлот с первых же часов войны был «заперт» немецкими минными полями в Финском заливе, а после злосчастного «Таллиннского перехода» и потери всех баз, кроме блокированного с суши Ленинграда (Кронштадта), боевой путь КБФ был по большому счету завершен. Что же касается реального количества уничтоженных советскими флотами боевых кораблей противника, то общая картина примерно такова. В 1957 г. был подготовлен секретный отчет о боевых действиях советских ВМС, в котором утверждалось, что за всю войну на всех морях было потоплено 17 немецких эсминцев и 6 кораблей большего класса (крейсеров, броненосцев береговой обороны). Правда, при более тщательном изучении этих цифр, каковое стало возможным лишь в постсоветские времена, выяснилось, что большая часть «уничтоженных боевых кораблей противника» или была накануне капитуляции Германии взорвана и затоплена самими экипажами, или же была потоплена авиацией союзников, а то и вовсе благополучно плавала до 50—

60 гг. В «сухом остатке» 7 реально потопленных эсминцев, 1 крейсер и 1 финский броненосец береговой обороны.

Разумеется, такие мизерные результаты боевой деятельности огромных советских флотов (3 линкора, 7 крейсеров, 54 лидера и эсминца, 212 подводных лодок, 22 сторожевых корабля, 80 тральщиков, 287 торпедных катеров, 260 батарей береговой артиллерии по состоянию на 22 июня 1941 г.) советскую военно-историческую науку устроить не могли. Положение было исправлено традиционным для этой «науки» способом – при помощи союза «И». Метод этот одновременно и универсальный, и эффективный. «В ходе авиаударов по вражеским колоннам было уничтожено 736 танков, бронетранспортеров И конных повозок». На море же было потоплено великое множество *«боевых кораблей, транспортов И вспомогательных судов»*. Если в последнюю категорию зачислить все прогулочные катера, рыбацкие шаланды и спасательные шлюпки, на которых сотни тысяч беженцев (2 млн., по утверждениям немецких историков) весной 1945 г. пытались покинуть окруженную Восточную Пруссию и Померанию, то можно было бы получить любой результат. Но академия товарища Гареева решила (или получила указание свыше) остановиться на «скромной» цифре в 2,5 тысячи.

Абсолютно искренне желая Махмуду Ахметовичу встретить 90-летний юбилей в добром здравии, в окружении вну-

ков и правнуков, я, как рядовой гражданин России и исправный налогоплательщик, не могу согласиться с тем, что храм науки, каковым должна была бы быть Академия военных наук, превращен в закрытую элитную богадельню для номенклатурных пенсионеров. Вот такой уж я злой Сальери. *«Мне не смешно, когда маляр ничтожный мне пачкает Мадонну Рафаэля. Мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери...»* Единственно, что меня немного смешит – это когда товарищи Гареев и К^о начинают громко возмущаться: «Перестаньте переписывать историю!» Что переписывать? Какую «историю»? Ваши заведомо ложные измышления про 507 немецких дивизий и 70 тыс. сбитых самолетов, про «внезапное нападение» и «безнадежно устаревшие» советские танки, про сугубо мирную сталинскую империю и многократное численное превосходство противника? Если же речь идет о скрупулезном и непредвзятом изучении событий Великой Войны, то как можно ПЕРЕписать то, что еще только-только начинает создаваться?

И последнее замечание перед тем, как перейти к изложению основного материала. Есть один тонкий нюанс, который многие искренне не понимают, а некоторые на этом осознанно спекулируют. В русском языке есть два слова: «бесстрастный» и «беспристрастный». Несмотря на большое сходство в написании, это – разные слова.

И смысл у них совершенно разный.

Тоталитарный коммунистический режим действительно

был кровавым и антинародным. Рано или поздно, но его безмерные преступления будут осознаны и осуждены даже и в той стране, откуда эта смертоносная зараза пошла по всему миру. То, как сталинский режим развязал мировую войну, как он бросил в эту войну советский народ, является, возможно, самым кровавым из его преступлений. Изучать эти события, писать о них без душевного волнения, бесстрастно может только электронная машина. Человеку такое не дано. А вот врать при этом совсем не обязательно. Да и незачем – действительность практически всегда оказывается страшнее и ярче любого вымысла. Так что никакой прямой связи между страстностью в изложении материала и пристрастным отбором одних только «удобных» для автора фактов нет. Ее нет в исторических исследованиях, нет ее и в обыденной жизни. Каждый из нас на основании собственного жизненного опыта знает, что бывают страстные, эмоциональные натуры, которые, однако же, чужой копейки не возьмут. Встречаются и абсолютно флегматичные, вечно невозмутимые жулики и мерзавцы. Никакой связи между эмоциями и воровством обнаружить пока не удалось.

А вот связь между политическими убеждениями автора и достоверностью его произведения есть. И очень даже заметная. Это сегодня мы как-то подзабыли, что совсем еще недавно тов. Гареев и его коллеги без тени смущения называли себя «бойцами идеологического фронта». Нас приучили – и мы с этим безропотно согласились – не вспоминать

о том, что некоторые (многие? все?) коммунистические «историки» были по совместительству еще и сотрудниками одной известной конторы, которая (вы и об этом уже забыли?) опять-таки без тени смущения называла себя «вооруженный отряд партии». А на войне, уважаемые, как на войне. Сказать правду – предательство. Обмануть – дело доблести и геройства. Я нисколько не сомневаюсь в том, что тов. Гареев, подписывая составленный его подчиненными текст про «507 разгромленных дивизий вермахта и 70 тыс. сбитых самолетов», делал это с чистой совестью, с сознанием выполненного партийного долга. «Воспел подвиг воина Красной Армии. Дал достойный отпор буржуазным фальсификаторам, принижающим историческую роль. Посодействовал коммунистическому воспитанию молодежи...»

Будучи человеком демократических, «западных», либеральных убеждений, я делаю свою работу по-другому.

Ни моральных, ни материальных стимулов к тому, чтобы врать вам, уважаемый читатель, у меня просто нет. Свои взгляды я не только не скрываю, но прямо и ясно сообщаю вам на первых же страницах книги. Да, я не из тех. Я – из этих. На следующих страницах вам будут представлены не только (и не столько) выводы, сколько аргументы и факты. Ссылки на источник при каждой значимой цифре. Желющие могут проверить, хотя честно и искренне советую – не тратьте время зря.

Часть 1 Колосс советский

Глава 1 Главная причина поражения

По общепринятому порядку глава с таким названием должна была бы появиться в конце книги, посвященной событиям 41-го года. Но, наученный горьким опытом написания и издания двух предыдущих книг, я решил больше не рисковать. Не подставляться. Как-то так получается, что самая шумная часть читателей, не имея терпения дочитать текст до конца (или до середины, или дальше 10-й страницы), тут же роняет книгу и берет в руки ручку. Вот, например, известный журналист Л. Радзиховский уже второй год терроризирует меня тремя тысячами танков. Все началось с того, что 22 июня 2005 г. господин Радзиховский решил рассказать образованной публике про мой скромный труд. Кратко обозначив автора взволновавшей его книги (*«какой-то историк-любитель из Самары, которого я знать не знаю»*), маститый мастер пера сообщил, что Солонин привел много новых и интересных фактов.

В частности, новейших танков Т-34 и КВ в начале войны в Красной Армии было, оказывается, 3 тыс. единиц. Очень интересный факт. Количество танков в армии оказалось чуть ли не в два раза больше, чем их было сделано на заводах.

Прошел год. Все мои попытки связаться с г. Радзиховским и попросить его открыть мою книгу на стр. 499 успехом не увенчались. Наступил следующий печальный юбилей – 22 июня 2006 г. Господину Радзиховскому опять понадобилось написать «статью к дате». Вы таки будете смеяться – но он опять вспомнил про *«некого историка-любителя из Самары, какого-то неведомого Марка Солонина»* и опять сообщил «городу и миру» про якобы найденные мной 3 тысячи новейших Т-34 и КВ. Что это было? Во всех изданиях книги «Бочка и обручи» (маркетинговая служба издательства ЭКСМО заменила авторское название на более, с их точки зрения, понятное читателям «22 июня»), начиная с 2003 г., на последних страницах имеется Приложение № 2. Это таблица, в которой я перечислил все 20 мехкорпусов Красной Армии, принявших участие в боевых действиях первых недель войны. По каждому мехкорпусу указаны номера входивших в его состав танковых и моторизованных дивизий, указано количество танков, «старых типов» – отдельно, новейших Т-34 и КВ – отдельно. Цифры просуммированы по фронтам и направлениям. Указано и общее число: **12 379 танков**, в том числе **1600 Т-34 и КВ**. Цифра выделена жирным шрифтом. Вероятно, г. Радзиховскому недосуг было пролистать книжку «любителя из Самары» до предпоследней страницы. И что самое (для меня лично) удивительное – за полтора года никто не захотел исправить эту несуразность, хотя обе статьи Радзиховского бурно обсуждались в Сети.

«Врагов имеет в мире всяк, но от друзей храни нас, Боже...» Какой-то неведомый мне Андрей Кротков решил похвалить меня на страницах «Независимой газеты». Или отработать свои сребреники на подложном использовании моего имени для огульной критики В. Суворова (каковую критику так называемая «независимая газета» очень любит).

Оказывается, *«оперируя документами оборонных ведомств, Солонин доказывает главное – никаких «планов упреждающего удара» (главной коллизии, на которой построены все книги Виктора Суворова) не было. Существовал и выполнялся (очень плохо) план стратегического развертывания и мобилизационного прикрытия».* У человека, который прочитал мою книгу – или хотя бы знаком с военной терминологией, – от таких «перлов» очки и волосы встанут дыбом. Сталинским планам вторжения в Европу в моей книге уделено по меньшей мере три главы. Одна из них так и называется: «Час твой последний приходит, буржуй». Для полной ясности приложена цветная карта южной Польши с красными стрелочками, устремленными на запад. Чего ж вам боле? Но господин Кротков продолжает «нахваливать» меня: *«Цифр в книге Солонина много, и доверия они заслуживают... Достаточно прочувствовать цифру: страна за 4 года потеряла убитыми и умершими 43,5 млн. граждан. Пятую часть населения».* Цифр в книгах Солонина действительно много. И доверия они, безусловно, заслуживают. Но зачем же к этим цифрам примешивать такой бред сивой кобылы?

Признаюсь, я совершенно не ожидал столкнуться с тем, что писателей у нас гораздо больше, чем читателей (под последним термином я понимаю человека, способного прочитать и адекватно воспринять текст, написанный простым, без малейших претензий на наукообразность, русским языком). Моя первая книга имела подзаголовок: «Когда началась Великая Отечественная война?» Вопросительный знак – не опечатка. Это главный вопрос, для ответа на который и написано без малого 500 страниц. Для того чтобы самое важное не прошло мимо внимания читателя, я:

- продублировал вопрос в названии последней части книги,

- разместил конкретный ответ буквально на последних строках последней главы и

- выделил жирным шрифтом: **«осень 1942 – весна 1943 гг.»**.

Несколькими абзацами выше приведены и аргументы в пользу такого ответа. Я предполагал, что предложенная мной методика (анализ структуры потерь личного состава, процентного соотношения санитарных и безвозвратных потерь) покажется кому-то из читателей странной, ошибочной, претендующей на неуместную экстравагантность и пр. Я был готов к дискуссии на эту тему – но я ее так и не дождался. Видимо, редкий дятел долетит до 490-й страницы, зато прокукарекать что-то несуразное этот дятел (вопреки законам природы) всегда готов.

Вот, например, А.А. Киличенков, доцент кафедры отечественной истории новейшего времени РГГУ, опубликовал («Новый Исторический Вестник», № 15) огромную разгромную рецензию, в которой долго и больно возмущался *«гипотезой о начале Великой Отечественной войны 17 июня»*, которую якобы выдвинул Солонин. Ну, с доцентом кафедры отечественной истории все понятно – про таких сказано: «Был чином от ума избавлен». Удивляет и огорчает другое: даже некоторая часть нормальных людей, обсуждавших мою книгу (печатно и электронно), сообщила, что, *«по утверждениям Солонина, Великая Отечественная война началась 17 июня 1941 года»*. Происхождение этой даты мне понятно: первая глава книги называлась «Вторник, 17 июня». Сам виноват. Не подумал я о том, что «писатели» вечно спешат и читать вторую и последующие главы им будет некогда. Один товарищ просто потряс меня сообщением о том, что война, по утверждению Солонина, оказывается, началась после заключения Пакта Молотова – Риббентропа. Насколько я помню, среди 138 тысяч слов, составляющих полный текст книги, слово «пакт» (и все, что с этим связано) не упомянут ни разу. Современный историк А. Исаев прочитал мою книгу, увидел... и высказал свое возмущение тем, что *«датой фактического начала Великой Отечественной войны М. Солонин считает события периода Гражданской войны и последовавшей за ней коллективизации и репрессий»*. Сильно сказано...

По всему по этому я и решил на первых же страницах первой главы сообщить всем «писателям», что самую главную причину поражения 41-го года я знаю. Безоговорочно признаю. Спорить со мной на эту тему не надо. Я и безо всяких дополнительных доказательств полностью согласен с тем, что: **главной причиной поражения был вооруженный противник.**

Признаюсь и в том, что сам я до того не додумался. Мне это подсказали писатели-критики. Да и после многократной подсказки я не сразу понял – что же они имеют в виду? Например, уже упомянутый А. Исаев сердито указал мне на то, что Красная Армия развалилась не сама. *«Ее развалили солдаты в форме фельдграу»*. Что означает слово «фельдграу», я еще могу догадаться («полевой-серый», цвет гимнастерок солдат вермахта, на русский это обычно переводилось словом «мышиный», но г. Исаев любит демонстрировать свое знакомство с «иностранными источниками»). Понять тайный смысл критического замечания было труднее. Разумеется – развалилась не сама собой. Бочка тоже разваливается не сама собой, а только после того, как с нее сильным ударом будут сбиты обручи. Но на поле боя (операции, войны) сталкиваются две армии. Иначе это не бой и не война. Наличие противника «в форме фельдграу» (или в любой другой форме) не должно, как мне казалось, считаться внештатной ситуацией для войны. И Красная Армия создава-

лась, вооружалась, оснащалась не только для парадов, но и прежде всего для того, чтобы при столкновении с ней разваливалась любая вражеская армия. *«Любой враг разобьет свой медный лоб о советский пограничный столб»* (из речи Молотова на открытии 18-го съезда ВКП(б)).

А. Исаев выразился вежливо. Но непонятно. Безымянный критик на одном из интернет-сайтов выразился грубо, зато доходчиво. *«Автор – идиот. Он не понимает, что те 66 900 орудий и минометов, про которые он пишет, были не брошены, а потеряны при О-Т-С–Т-У-П-Л-Е-Н-И-И»*. Так и написал. В разбивку. И я сразу понял, чего от меня хотят. Мне хотят объяснить, что если б не было войны, то Красная Армия не потеряла бы ни одной пушки. А если бы в случае войны противник не мешал наступать, то и тогда Красная Армия не потеряла бы столько военной техники. Но противник нагло, бесцеремонно и – что самое главное – совершенно неожиданно мешал. Не давал он Красной Армии воевать спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой. Вот из-за такого противного противника и возникло О-Т-С-Т-У-П-Л-Е-Н-И-Е. А произнесение вслух этого волшебного слова («отступление») является, по мнению моего анонимного хулителя и легиона его единомышленников, заклинанием, которое разом освобождает всех от присяги, от обязанности выполнять приказы, уставы, наставления. Вопрос (на мой взгляд – напрашивающийся сам собой) о том, что же было причиной, а что – следствием, даже не обсуждается. Злополучное «от-

ступление» воспринимается как некое стихийное бедствие, как уважительная, «объективная» (т. е. от действия или бездействия людей не зависящая) причина, оправдывающая потерю астрономического количества вооружения.

Впрочем, мои критики это все тоже не сами придумали. Они просто продолжили давнюю традицию. Самый первый (из известных мне, не исключая, что есть и более ранние образцы) текст подобного содержания был написан 6 июля 1941 г. Это приказ № 2 войскам 11-й Армии (Северо-Западный фронт). Документ подписали все три члена Военного совета армии (командующий войсками армии генерал-лейтенант Морозов, начальник штаба армии генерал-майор Шлемин, ЧВС бригадный комиссар Зуев). В соответствии с установленным в Красной Армии порядком оформления приказов после даты (6 июля 1941 г.) было указано место, где находится штаб 11-й Армии. Место это – Идрица, поселок и железнодорожная станция на юге Псковской области, примерно в 80 км к северу от белорусского Полоцка. Строго говоря, этим уже сказано ВСЕ. На 15-й день войны штаб 11-й Армии оказался на расстоянии в 450 км по прямой от государственной границы. Отойти на такое расстояние за 15 дней невозможно. Можно отбежать, но и это крайне утомительно – если только не бросить все мешающие марафонскому забегу тяжелые предметы (винтовки, гранаты, пулеметы, минометы, пушки...).

Подробный анализ обстоятельств и хронологии разгрома

Северо-Западного фронта выходит за рамки нашей книги. Ограничимся лишь очень кратким цитированием монографии «1941 год – уроки и выводы», изданной в 1992 г. группой военных историков Генерального штаба тогда еще Объединенных Вооруженных сил СНГ:

«...26 июня положение отходивших войск резко ухудшилось... 11-я Армия потеряла до 75 % техники и до 60 % личного состава. Ее командующий генерал – лейтенант В. И. Морозов упрекал командующего фронтом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова в бездействии... в Военном совете фронта посчитали, что Морозов не мог докладывать в такой грубой форме, при этом Ф.И. Кузнецов сделал ошибочный вывод, что штаб армии вместе с В. И. Морозовым попал в плен и работает под диктовку врага... Среди командования возникли раздоры...»

В тот же самый день, 26 июня 1941 г., в районе Даугавпилса сдался в плен начальник Оперативного управления штаба Северо-Западного фронта генерал-майор Трухин (в дальнейшем Трухин активно сотрудничал с немцами, возглавил штаб власовской «армии» и закончил свою жизнь на виселице 1 августа 1946 года). (20, стр. 164) Остатки 11-й Армии и ее штаб искала разведывательная авиация. Не немецкая авиация – наша. 30 июня поиски увенчались некоторым успехом. В этот день из Москвы в адрес командующего С-З.ф. ушла телеграмма, подписанная Г.К. Жуковым: *«Врайоне ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны*

найдена 11-я Армия Северо – Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продовольствия. Армия не знает обстановки и что ей делать...» Другими словами, остатки армии находились в 150–200 км от границы, но еще в 100 км западнее Даугавы (Западной Двины). На восток к Полоцку и Идрице, через Даугаву смог переправиться практически один только штаб 11-й Армии. К такому выводу можно прийти на основании доклада, который 4 июля 1941 г. направил в Москву новый начальник штаба С-З.ф. генерал-лейтенант Н.Ватутин (прежний начальник штаба Кленов был арестован и в октябре 1941 г. расстрелян). Ватутин доложил Жукову полный перечень частей и соединений фронта, которые он смог обнаружить.

В многостраничном донесении указаны даже те дивизии, от которых остались только номер, боевое знамя и полтысячи бойцов с парой пушек. По поводу 11-й Армии сказано дословно следующее: *«По 11-й Армии (16-й стрелковый корпус, 29-й стрелковый корпус, 179-я и 184-я стрелковые дивизии, 5, 33, 128, 188, 126, 23-я стрелковые дивизии, 84-я моторизованная дивизия, 2-я танковая дивизия, 5-я танковая дивизия, 10-я артбригада противотанковой обороны, 429-й гаубичный артиллерийский полк, 4-й и 30-й понтонные полки) сведений нет».*

Все это можно свести к двум коротким словам: «полный разгром». И вот 6 июля 1941 г. командующий этой разгромленной армией издает такой приказ:

«I. Войска армии закончили выполнение большой и ответственной задачи по выходу из окружения противника и сосредоточиваются за линией наших войск в новых районах. С первого дня войны личный состав армии показал беззаветную преданность нашей великой советской Родине и Коммунистической партии. Все наши соединения и части с мужеством и стойкостью отбивали вероломное нападение врага, нанося ему громаднейшие потери. Многие наши подразделения не растерялись и с честью выполняли свои задачи, находясь в окружении превосходящего противника. Части армии в первых боях добились того, что враг в последующие дни с осторожностью и опаской следовал за отходившими нашими частями. (Подчеркнуто мной. – М.С.)

II. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Широко разъяснить всему командному, начальствующему, красноармейскому составу обстановку и условия выхода армии из окружения. Широко разъяснить всем бойцам и командирам, что части армии за весь период боевых действий под напором врага отступали только при неожиданном нападении 22 июня сего года. Ни в одном из последующих боев, которые вели части армии с превосходящими силами врага, последний не добился успеха. Мы отходили в силу создавшейся общей обстановки».

Вот так вот. Не беспорядочное отступление в темпе форсированного марша (по 25 км в день), не потеря боевой техники и массовое дезертирство (чем еще можно объяснить

потерю «60 % личного состава отходивших войск» на 5-й день отступления и почти полное отсутствие личного состава на 13-й день этого странного «отхода»?) создали на фронте в Прибалтике вполне определенную «обстановку», а сама собой создававшаяся «общая обстановка» объявлена первопричиной всех бед. При всем при этом понять логику генерала Морозова можно – война еще только начиналась, и он хотел подбодрить немногих оставшихся в строю бойцов. Приказ № 2 – это, по сути дела, документ военной пропаганды, каковая по определению не имеет права быть правдивой. И с этой точки зрения становится уместной даже совершенно фарсовая фраза про противника, который с «осторожностью и опаской» крался за бегущей в силу «создавшейся обстановки» Красной Армией.

Генерала Морозова понять можно. Гораздо труднее понять маршала Г.К. Жукова, когда он в совершенно мирной обстановке, через десятки лет после завершения войны, размышляя в своих воспоминаниях о причинах «временных неудач», решил **пожаловаться на противника**:

«Ни нарком обороны, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников и К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов» . (15, стр.

Обратите внимание на то, как построена фраза. Маршал Жуков прекрасно понимает всю абсурдность и лживость этих слов и поэтому немедленно записывает к себе в соавторы давно ушедших в лучший мир маршалов Тимошенко, Шапошникова, Мерецкова, а под конец – и весь «руководящий состав Генерального штаба» чохом (т. е. Ватутина, Василевского и других). Что же так удивило Великого Маршала Победы? Вы не ожидали, что противник создаст мощные ударные группировки на выгодных для него (а не для вас) стратегических направлениях? Вы не рассчитывали, что противник постарается нанести «сокрушительные рассекающие удары»? А чего ж тогда вы ждали? Ласкового похлопывания по попе? Того, что немцы соберут по роте выздоравливающих от каждого армейского госпиталя и пошлют их реденькой цепочкой прямиком в болота Полесья? И откуда же взялись такие благостные ожидания?

Главная аксиома оперативного искусства – концентрация сил. Это знает каждый выпускник школы ротных старшин. Каждый солдат-новобранец убеждается в этом на собственном опыте, на первом же выходе в поле (в лес). Крохотный комарик весом менее одного грамма сокрушительным рассекающим ударом пробивает толстенную кожу человека. Почему ему это удастся? Потому, что ничтожная комариная сила сконцентрирована на микроскопическом участке острия комариного жала. К лету 1941 года каждому военно-

му специалисту было известно, что командование вермахта вполне осознает и мастерски реализует на практике основной принцип концентрации. Был уже к тому времени опыт войны в Польше, была блестяще проведенная операция на севере Франции. Последний пример можно считать особенно ярким.

На уровне стратегии немцы проявили свою приверженность идее концентрации всех сил для решения главной задачи тем, что из имеющихся у них 156 дивизий для войны с Францией и ее союзниками было выделено 136 (87 %). На огромных пространствах Дании, Польши, Чехословакии, Австрии и собственно Германии оставалось всего 13 дивизий (еще 7 дивизий вели боевые действия в Норвегии). Концентрация всех сил люфтваффе на одном-единственном направлении была и вовсе доведена до уровня азартной игры в «русскую рулетку». Из округов ПВО Кёнигсберга, Бреслау, Дрездена, Нюрнберга, Вены были сняты все истребители до одного. В зоне ПВО Берлина был оставлен штаб 3-й истребительной эскадры и одна из ее истребительных групп (II/JG-3). Всего 49 самолетов, из них по состоянию на 10 мая 1940 г. только 39 исправных. (24)

На оперативном уровне принцип концентрации сил был реализован с той же неуклонной решимостью. Общая протяженность западной границы рейха составляла 650 км (от Базеля на юге до голландского Арнема на севере). На второстепенных направлениях общей протяженностью в 300 км

было оставлено всего 17 дивизий, зато в полосе наступления (на границе с Голландией, Бельгией и Люксембургом) уже в первом эшелоне (не считая резервов верховного командования) в первые же дни было введено в бой 77 дивизий, в том числе все танковые и все моторизованные. На направлении главного удара, на фронте в 130 км от Льежа до Седана, было сосредоточено 7 танковых дивизий из 10 и 5 моторизованных дивизий из 5. Мало этого – 15 мая на участок прорыва был переброшен еще один танковый корпус (2 танковые дивизии) из Бельгии. Сокрушительный удар проломил оборону французской и британской армий. Через две недели, 24 мая 1940 г., немецкие танки вышли к Ла-Маншу.

Об этом тогда писали все газеты мира (включая «Правду» и «Известия»). В массовых газетах (не говоря уже про специализированные военные издания) публиковались карты со стрелочками. Ладно, предположим, что читать газеты начальнику Генерального штаба Красной Армии было некогда. Так ведь и не надо – для сбора информации у него и у наркома обороны Тимошенко были другие структуры, другие источники. В частности, вплоть до самого начала войны в Москве находились военные атташе двух сторон: победившей Германии и побежденной Франции. Было с кем обсудить ход и исход кампании на Западе...

Но – может быть, мы не о том спорим? Может быть, Жукова несказанно удивил не сам факт создания противным противником ударных группировок для нанесения «сокру-

шительных рассекающих ударов», а то, что в состав этих группировок была включена *«такая масса бронетанковых и моторизованных войск»!* И на этот вопрос мы можем сегодня ответить совершенно однозначно. Действительно, «такой массы» ни Жуков, ни Тимошенко, ни сам Сталин не ожидали.

В начале 90-х годов были опубликованы некоторые документы советского стратегического военного планирования, позволяющие дать вполне конкретный ответ на вопрос о том, какие именно силы противника, с участием какой *«массы бронетанковых и моторизованных войск»* ожидало встретить в первых боях высшее военно-политическое руководство Советского Союза. Единственный вопрос, на который у меня нет точного ответа, – как это ведомство товарища Гареева допустило публикацию таких материалов? Впрочем, и здесь нет большой загадки. Мемуары Жукова были опубликованы сотнями тысяч экземпляров, процитированы в десятках миллионов газетных и журнальных публикаций, пересказаны сотням миллионов кино- и телезрителей так называемых «документальных» фильмов. Цитируемые ниже документы были опубликованы в известной крайне узкому кругу специалистов «малиновке» (двухтомный сборник «Россия-XX век. Документы. 1941 год», получивший такое название за цвет обложки), давно уже превратившейся в библиографическую редкость. Так что Гареев и гареевцы ничем особенно и не рисковали...

Вернемся, однако, к сути дела. Каждый из известных документов стратегического планирования начинался с раздела, посвященного оценке возможного состава группировки войск противника (противников). Множественное число здесь будет более уместным, так как советское руководство неизменно включало в состав противников СССР на Западе Финляндию, Румынию, Венгрию, Италию, причем по вопросу о численности вооруженных сил последних высказывались совершенно фантастические предположения. Так, по мартовскому (1941 г.) плану в составе группировки венгерской армии на советской границе предполагалось наличие 20 дивизий, в то время как фактически Венгрия развернула в Карпатах, на границе с советской Украиной, всего 3 бригады, что соответствует 1,5 «расчетной дивизии». Учитывая, что боевая ценность дивизий вермахта и, например, румынской армии просто несопоставимы, ограничимся только сравнением ожидаемой и реальной численности вооруженных сил главного противника – Германии. Для удобства восприятия сведем информацию в следующую таблицу.

пд	тд	мд	танки	самолеты
1. «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР», 18 сентября 1940 года				
145	17	8	10.000	13.000
2. «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР», 11 марта 1941 г.				
165	20	15	10.000	10.000
3. «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», 15 мая 1941 г.				
141	19	15		
4. Фактический состав групп армий «Север», «Центр», «Юг», 22 июня 1941 г.				
84	17	14	3.628	2500

Примечание: в число 84 пехотных дивизий включены 4 легкопехотные, 2 горно-стрелковые и 1 кавалерийская дивизии;

в число 14 моторизованных дивизий включено 4 моторизованные дивизии СС;

900-я моторизованная бригада и моторизованный полк «Великая Германия» учтены как одна «расчетная» мд.

Внимательный читатель, должно быть, обратил внимание на одну странность: фактическое число танковых дивизий вермахта чуть меньше ожидаемого (17 вместо 19–20), а танков оказалось в три раза меньше. Это не опечатка. Это с одной стороны – качество работы советской разведки, предполагавшей, что в одной танковой дивизии вермахта может быть до полутысячи танков, с другой – то, что в советской историографии называлось «особенности подготовки вермахта к нападению на СССР». В рамках этой подготовки Гитлер решил увеличить число танковых дивизий в два раза. «Осо-

бенность» заключалась в том, что сделано это было тем самым способом, которым в колхозах неизменно добивались рекордных надоев молока, – методом разбавления. Штатный состав танковой дивизии вермахта был изменен, и вместо двух танковых полков в дивизии оставили один (правда, при этом в некоторых дивизиях танковый полк включал в себя три батальона вместо двух, как было ранее). В конечном итоге утром 22 июня 1941 г. количество танков в одной танковой дивизии вермахта на Восточном фронте укладывалось в диапазон от 265 (7-я танковая дивизия) до 143 (9-я и 11-я). Сталин в такие игры не играл. Несмотря на стремительный рост числа танковых дивизий Красной Армии (до 61 к началу войны), штатное количество танков в одной дивизии снизилось весьма незначительно: с 413 по штатному расписанию июля 1940 г. до 375 по штату февраля 1941 г. (7. стр. 277)

Наиболее фантастическими были представления советской разведки о боевом составе люфтваффе. Так, по данным «Спецсообщения Разведуправления Генштаба РККА» от 11 марта 1941 г., немцы могли выставить на Восточном фронте 3820 истребителей, 4090 двухмоторных бомбардировщиков, 1850 пикирующих «Юнкерсов»-87. Фактическое число боеготовых самолетов по состоянию на 22 июня 1941 г. было: по истребителям – в 3,5 раза меньше, по бомбардировщикам – в 4 раза меньше, по пикировщикам – в 7 раз меньше. Хилые силы немецкой авиации были настолько малы – как в сравне-

нии с численностью ВВС Красной Армии, так и в сравнении с прогнозами советской разведки, – что в докладе штаба Северо-Западного фронта № 3, подписанном в 12 часов дня 22 июня 1941 г., было сказано дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов»*. Это про 22 июня 41-го года такое написано. Про тот самый день, когда авиация противника якобы налетела и за полдня уничтожила всю советскую авиацию прямо на земле. На «мирно спящих аэродромах»...

Вероятно, для того, чтобы обсуждаемая фраза из воспоминаний Г.К. Жукова приобрела смысл и достоверность, надо убрать из нее все лишние слова и добавить три нужных. Вот тогда получится что-то вполне разумное. Например:

«Ни нарком обороны, ни я, ни мои предшественники, Б.М. Шапошников и К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник ТАКИМИ МАЛЫМИ СИЛАМИ СМОЖЕТ нанести сокрушительные рассекающие удары». И с учетом реального соотношения сил сторон это было бы совершенно верным определением.

Глава 2 «Наступление является выражением превосходства»

Первые публикации, в которых была указана реальная численность Красной Армии накануне войны, приведены данные по количеству и производству танков и самолетов, состоялись еще в конце 80-х годов прошлого века. Без малого двадцать лет назад. И ничего. Никто ничего не заметил. Напечатал, например, «Военно-исторический журнал» (официальный, заметьте, печатный орган Министерства обороны СССР) в далеком 1989 г. (№ 4) табличку, в которой были перечислены мехкорпуса, развернутые в западных приграничных округах, и приведено количество танков в них. Ноль эмоций. Но стоило только нескольким «историкам-любителям» обратить внимание образованной публики на то, что мехкорпусов в Красной Армии было, оказывается, больше, чем у немцев – танковых дивизий, стоило только этим «любителям» взять в руки исправный калькулятор и доложить читателям, что, например, войска Юго-Западного и Южного фронтов имели на вооружении 5826 танков, а немецкая группа армий «Юг» – всего 728, стоило только некоторым, особенно разнузданным «фальсификаторам истории» вслух заявить о том, что 5826 больше 728... Что тут началось... Сколько крика, сколько претензий... «Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Откуда вы

это взяли? Предъявите документы! Нет, оригиналы с личной подписью Сталина! Мне же еще в школе МарьВанна рассказывала про многократное численное превосходство противника...» Товарищи дорогие, господа хорошие – что же вы у МарьВанны документы с подписью Сталина не требовали? Почему вы не замечаете публикацию документов и фактов, но столь бурно реагируете на очевиднейшие выводы, на основании этих фактов сделанные?

Что же касается действительно первейшего вопроса о достоверности приведенных здесь и далее цифр, то по этому поводу надо отметить два момента. Первое. Оригианалов документов с собственноручной подписью Сталина в моем личном архиве нет. Документы, с которыми я работал в государственных и военных архивах (например, так называемые «Особые папки» протоколов заседаний Политбюро, хранящиеся в РГАСПИ, или протоколы заседаний Комитета Обороны при СНК СССР, недавно рассекреченные в ГАРФе), представляют собой (по большей части) машинописные копии. Теоретически рассуждая, за истекшие 60 лет их можно было и подделать. Точно так же могут быть фальсифицированы и документы, опубликованные в «малиновке» (4. 6), и 42 тома «Сборников боевых документов» (СБД), и факты, приведенные в постоянно цитируемых мною монографиях, выпущенных коллективами военных историков Генерального штаба (2.3), Но в любом случае эти документы находились в распоряжении тех людей и структур, которые никоим обра-

зом не были заинтересованы в том, чтобы ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ состав и вооружение разгромленной летом 41-го года Красной Армии. Поэтому я считаю, что приведенные ниже цифры можно смело использовать в качестве минимального (скорее всего – заниженного) предела количественной оценки.

Второй момент связан с тем, что точные цифры, характеризующие численный состав и вооружение Красной Армии (равно как и армии любой другой мощной державы того времени), невозможно назвать в принципе. Причина этого очень проста – накануне войны СССР, Германия, Франция, Англия непрерывно наращивали свою военную мощь. Формировались все новые и новые части и соединения, стремительно обновлялся танковый и авиационный парк, технически устаревшие машины списывались или выводились в тыловые подразделения, менялись штатные расписания и структура соединений, менялись способы перевода армии из состояния мирного в состояние военного времени. Точные до последней запятой цифры указать в подобной ситуации нельзя, но – как станет ясно из дальнейшего – это и не создаст больших проблем для исследователя, так как при том численном превосходстве, которым обладала Красная Армия, небольшие «погрешности измерения» уже не имеют принципиального значения.

Первая мировая война завершилась Версальским мир-

ным договором, в соответствии с которым Германия не только потеряла некоторые населенные немцами территории (т. е. потеряла часть призывных контингентов), но и — что гораздо важнее — была лишена права создавать и содержать боевую авиацию, танковые войска, артиллерию средних и крупных калибров. В целом разрешенная для Германии численность сухопутной армии (рейхсвера) была ограничена числом 10 дивизий. Страны Антанты даже и не скрывали того, что их целью является ослабить военный потенциал Германии до такого уровня, при котором Германия никогда не сможет вернуться в «клуб» великих европейских держав. С другой стороны, на советскую Россию — несмотря на то, что она предала своих союзников в Бресте, несмотря на то, что новая российская власть конфисковала без суда имущество английских, французских и американских граждан и компаний — никаких ограничений наложено не было. Страна «победившего пролетариата» отнюдь не стала (подобно Ливии или Северной Корее в современном мире) страной-изгоем. Ничего подобного. Победившие «пролетарии» (из числа бывших лавочников, люмпен-интеллигентов, а то и просто темных проходимцев типа Ганецкого) разъезжали по ведущим столицам мира, скупали оружие и военную технологию, почти открыто вербовали «агентов влияния», заманивали баснословными деньгами военных и технических специалистов. Гениальное пророчество Ульянова-Ленина о том, что на растленном буржуазном Западе найдутся (и в немалом

количестве) «полезные нам идиоты», сбылось на 101 процент.

Таким образом, в полном несоответствии с извечными причитаниями коммунистической пропаганды (*«История отпустила нам мало времени»*) пресловутая «история» (т. е. «полезные идиоты» в Лондоне, Париже и Вашингтоне) предоставила Советскому Союзу значительно большее, нежели Германии, время для подготовки к Большой Войне.

Время – это очень важный ресурс. В некоторых делах – решающий. Как гласит известный афоризм: «Даже девять женщин не смогут родить ребенка за один месяц». Подготовка военных специалистов (танкистов, артиллеристов, летчиков, штурманов) требует еще большего, нежели срок нормальной беременности, времени. А уже для того, чтобы накопить многомиллионный запас обученных резервистов, и вовсе нужны долгие годы. У Германии этих лет не было, а у СССР – были. Однако одним лишь временем и огромными людскими и природными ресурсами задача создания высокоэффективной армии в середине XX века уже не решалась. Нужны были еще и современная промышленность, инженерные и научные кадры. С этим видом ресурсов в стране была «большая напряженка» – большевики имели неосторожность уничтожить или принудить к бегству из страны большую часть ученых и инженеров. За морями, за океанами проектировали свои истребители Сикорский, Северский и Картвели, английские и американские самолеты

заправлялись высокооктановым авиабензином, изготовленным по технологии инженера Ипатьева... В распоряжении же Сталина были талантливая молодежь (но ей еще надо было учиться, учиться и учиться) и миллионы эков, которые могли добыть невообразимое количество руды, каковой можно было засыпать огромные каналы, вырытые другими эками. Да, еще можно было продать эту руду за границей и получить в обмен красивые бумажки с портретами мудрых президентов или даже золото. Но золото – в высшей степени бесполезный металл. Из него даже гвоздя хорошего сделать нельзя. А уж про золотой штык и говорить смешно (тяжелый и мягкий).

Решение проблемы было найдено опять-таки на Западе. В обстановке жесточайшего экономического кризиса (конец 20-х – начало 30-х годов) крупная буржуазия промышленно развитых стран мира наперегонки, отталкивая друг друга от «советской кормушки», бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки, лаборатории, испытательные стенды, целые заводы в полной комплектации. Безрассудная, безнравственная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и ГУЛАГовских рабов) в горы оружия и военной техники. На гигантских предприятиях, оснащенных новейшим американским и немецким оборудованием, английский

танк «Виккерс-Е» размножался тысячами экземпляров под названием Т-26, конструкция американского инженера Кристи превращалась в тысячи советских танков БТ. По немецким лицензиям было налажено производство 37-мм и 76-мм зенитных пушек, знаменитых «сорокапятков» (противотанковая пушка калибра 45 мм). Французские авиамоторы под скромными пролетарскими именами М87/М88 поднимали в воздух дальние бомбардировщики ДБ-3, оснащенные американскими автопилотами фирмы «Спэрри», французские же моторы, переименованные в М100/М103, стояли на советских бомбардировщиках СБ, лучшие в мире истребители Поликарпова И-15 и И-16 ревели моторами М25/М62 (в девичестве американский «Райт-Циклон»), на авиазаводе в подмосковных Филях (концессия фирмы «Юнкере») строился первый в мире тяжелый четырехмоторный бомбовоз ТБ-3 с двигателями М-17 (BMW-6)...

Уважаемый читатель, если вам не трудно – постарайтесь не читать в моей книге то, чего в ней нет. Я не говорю, что организовать массовое производство технически сложных видов вооружений – пусть даже и на базе импортного оборудования, импортных технологий, с помощью иностранных специалистов и по иностранным лицензиям – легко.

Легко ничего не делать и растраниживать наследство внуков и правнуков, качая сырую нефть по трубе, построенной отцами и дедами. Но и никакого «беспримерного чуда» в истории советской индустриализации 30-х годов нет. Та-

кие же «чудеса» на нашей памяти произошли (и происходят сейчас) в Южной Корее, Тайване, Малайзии, Индонезии, Таиланде. С той только разницей, что так называемая «лапотная Россия» задолго до прихода большевиков к власти уже производила свои рельсы и свои паровозы, автомобили и самолеты, тяжелые крейсера и почти невесомые радиолампы. Проще говоря, не была Россия образца 1916 года ни Малайзией, ни Сингапуром...

Заставить людей работать Сталин и его «выдвиженцы» умели. Можно спорить о том, насколько рационально были организованы эти великие труды с точки зрения критерия «цена – результат». Очень может быть, что при нормальной конкурентно-рыночной организации дела, без ажиотажа, «штурмовщины» и репрессий колоссальные инвестиции 30-х годов могли бы дать еще большую отдачу. В любом случае «цена» мало беспокоила Сталина (зэки на колымских рудниках мыли золото в три смены без выходных), а результат был огромен. Советские «ученики», несомненно, превзошли своих западных «учителей». Приведем лишь два характерных свидетельства. В 1936 г. авиационные заводы СССР смог посетить Луи Шарль Бреге, основатель крупнейшей французской авиастроительной фирмы (по сей день выпускающей совместно с фирмой «Дассо» реактивные «Миражи»). Вернувшись домой, он написал: *«Используя труд вдесятеро большего количества рабочих, чем Франция, советская авиационная промышленность выпускает в 20 раз*

больше самолетов». В этой фразе, конечно же, больше эмоций, чем статистики. Но интересно, что такие же эмоции возникли после посещения французских авиапредприятий в том же самом 1936 г. и у молодого советского авиаконструктора А. Яковлева: *«Осматривая авиационные заводы Франции, я невольно сравнивал их с нашими. И каждый раз с глубоким удовлетворением приходил к выводу, что по масштабу, по качеству оборудования ни одно из виденных мною французских предприятий не могло идти ни в какое сравнение с любым из наших рядовых авиационных заводов».*

Теперь перейдем от эмоций к сухим цифрам. Уже в 1937 году на вооружении Советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов – примерно столько же будет два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых. К 1 октября 1939 г. самолетный парк Советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже **превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны.** В 1940 г. воюющая Германия произвела 1877 одномоторных истребителей и 3012 бомбардировщиков, СССР – 4179 и 3301 соответственно.

Даже в 1941 году, в условиях потери или эвакуации ряда ведущих заводов, Советский Союз в 2,5 раза обогнал Германию по количеству выпущенных истребителей (7080 против 2852), отставая, правда, по числу произведенных двухмоторных бомбардировщиков (2861 против 3783). В даль-

нейшем количественные показатели выпуска боевых самолетов в Советском Союзе были все время выше. За одним исключением – в 1944 году, пытаясь противостоять массированным ударам стратегической бомбардировочной авиации союзников, Германия произвела 23 805 одномоторных истребителей (в 8 раз больше, чем в 1941 г.), а в СССР в тот год было выпущено «всего лишь» 16 703 истребителя. (24. 32). Но этот рывок в производстве истребителей был уже последним усилием германской авиапромышленности...

Столь же грандиозным был и масштаб советского танкового производства. Уже в начале 1939 г. по числу танков (14 540 – и это не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная Армия ровно в два раза превосходила армии Германии (3420), Франции (3290) и Англии (550), вместе взятые. К 22 июня 1941 г. танковый парк советских вооруженных сил выражался немыслимой ни для одной другой страны мира цифрой **21 447 танков** (это, опять же, не считая 2,6 тыс. устаревших танкеток Т-27 и не считая 3,8 тыс. легких плавающих Т-37/Т-38/Т-40). (82) На вооружении вермахта в июне 41 г. числилось всего **5440 танков и самоходных орудий** всех типов (не считая 1122 танкеток Рз-I). **В четыре раза меньше**, чем в Красной Армии. Объем производства танков в СССР даже в катастрофическом 1941 году составил 6590 единиц (в том числе 1360 тяжелых КВ и 30Ю средних Т-34). Немцы же (на которых якобы «работала вся Европа») в 1941 году выпустили в полтора раза мень-

шее число танков и самоходных орудий (4110 единиц, включая 700 чешских Pz-38(t)). В следующем, 1942 году танковая промышленность СССР произвела уже 24 720 танков (в том числе 2550 KV и 12 530 Т-34), что в 4 раза превысило объем производства танков и самоходных орудий в Германии (6090 единиц, в том числе 1560 танкеток и легких танков). (1, 2.11)

Огромные мощности военной промышленности, неисчерпаемые запасы природного сырья, многомиллионный резерв прошедших действительную службу военнослужащих запаса позволили Сталину создать самую крупную армию мира. К лету 1939 г. в составе Красной Армии уже числилось 100 стрелковых дивизий (считая 5 стрелковых бригад за две «расчетные дивизии»), 18 кавалерийских дивизий и 36 танковых бригад. Сухопутная армия страны-агрессора (Германии) насчитывала к этому времени всего 51 дивизию (в том числе 5 танковых и 4 моторизованные). По последнему утвержденному варианту мобилизационного плана МП-41 намечалось развернуть Красную Армию в составе: **198 стрелковых** (в том числе 19 горно-стрелковых), **61 танковая, 31 моторизованная, 13 кавалерийских дивизий. Всего 303 дивизии.** А также **94 корпусных артполка и 72 артполка РГК, 10 ПТАБРов** (противотанковая артиллерийская бригада РГК), **16 воздушно-десантных бригад.** По принятой традиции, мы не стали включать в общий перечень части и соединения войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала 10 «расчетным дивизи-

ям». Причем все эти соединения к 22 июня 1941 г. уже существовали в реальности. Каркасы 303 дивизий были созданы, 5,6 млн. человек были поставлены под ружье еще в рамках «армии мирного времени». Причем в армиях западных приграничных округов «каркасы» были в основном уже «заполнены». В 99 стрелковых дивизиях западных округов (включая Ленинградский ВО) численность личного состава (при штате в 14,5 тыс. человек) была доведена до: **21 дивизия – 14 тыс., 72 дивизии – 12 тыс. и 6 дивизий – 11 тыс. человек.** (3, стр. 83)

В ходе открытой мобилизации предполагалось главным образом **доукомплектование** ранее сформированных частей и соединений до штатных норм и создание очень небольшого («небольшого» в сравнении с гигантской численностью Красной Армии мирного времени) числа новых дивизий: в течение первых трех месяцев планировалось сформировать дополнительно 30 новых стрелковых дивизий. (3. стр. 73, 4. стр. 607–651) Этим принятый в СССР порядок мобилизационного развертывания кардинально отличался от того, что было в других странах Европы. Например, Франция летом 1939 г. имела всего 33 кадровые дивизии при общей численности сухопутных войск метрополии порядка 550 тыс. человек. В ходе мобилизационного развертывания было сформировано более 50 новых, совершенно «сырых» дивизий, большая часть личного состава которых вообще ранее не служила в армии. В составе вермахта весной 1939 г.

было всего 35 кадровых пехотных дивизий, в ходе открытой мобилизации число пехотных дивизий к началу следующего, 1940 года возросло до 86. Этим «новорожденным» дивизиям и предстояло сокрушить столь же молодую, мало подготовленную и плохо вооруженную французскую армию...

В апреле 1941 г. стрелковые дивизии Красной Армии были переведены на новый штат. Численность личного состава немного (на 16 %) уменьшилась и составляла теперь **14,5 тыс.** человек против **16,9 тыс.** в пехотной дивизии «первой волны формирования» вермахта. Несколько большая численность немецкой пехотной дивизии означала лишь большее развитие тыловых и вспомогательных служб – по огневой мощи стрелковая дивизия Красной Армии ничуть не уступала дивизии противника. По штатному расписанию апреля 1941 г. стрелковой дивизии полагалось 166 станковых и 392 ручных пулемета (в пехотной дивизии вермахта соответственно 138 и 378). О том, что в пехотной дивизии вермахта на 16 тыс. человек приходилось по штату всего 767 автоматов, а остальные были вооружены обыкновенными винтовками (в количестве 11,5 тыс.), написано уже немало (правда, на режиссеров и продюсеров так называемых «исторических» фильмов это еще не действовало). Более того, стрелковая дивизия Красной Армии, на вооружении которой было 10 420 винтовок и карабинов, перевооружалась с «трехлинейки» на самозарядную винтовку Токарева (СВТ), что давало заметное преимущество над противником в плотности

стрелкового огня. Для того чтобы никогда больше не возвращаться к обсуждению совсем уже бредовых измышлений о том, что в Красной Армии **до начала войны** (подчеркните эти три слова тремя жирными чертами, уважаемый читатель) не хватало даже винтовок, отметим, что реально имевшимся в наличии к июню 1941 г. стрелковым вооружением можно было укомплектовать следующее количество дивизий: (2. стр. 351)

- станковые пулеметы 460;
- ручные пулеметы 435;
- винтовки и карабины 743.

Традиционно мощной была советская артиллерия – этот беспощадный «бог войны» 20-го столетия. В состав стрелковой дивизии Красной Армии (наряду с тремя стрелковыми полками) было включено два артиллерийских полка. Кроме того, по 6 легких «полковых» пушек калибра 76,2 мм было в каждом из трех стрелковых полков. Итого: **18 полковых** короткоствольных 76,2-мм пушек, **16 «дивизионных»** (имеющих больший вес, большую длину ствола и соответственно большую начальную скорость снаряда) 76,2-мм пушек, **32 гаубицы калибра 122 мм и 12 гаубиц калибра 152 мм**. Для сравнения приведем численность артсистем и так называемый «вес суммарного залпа» полевой артиллерии польской, французской и немецкой пехотной дивизии (вес снарядов в системах сопоставимого калибра разных ар-

мий несколько различался, поэтому приведенное ниже значение веса суммарного залпа следует рассматривать только как ориентировочное).

	75 / 76,2-мм	100 / 105-мм	122-мм	150 / 152,2-мм	Вес залпа, кг
СССР	34	—	32	12	1395
Германия	20	36	—	18	1384
Франция	36	—	—	24	1183
Польша	30	15	—	3	531

Как видим, по числу стволов и весу суммарного залпа артиллерия советской стрелковой дивизии по меньшей мере не уступала «лучшим мировым стандартам». Вопреки широко распространенному заблуждению, о минометном вооружении в Советском Союзе тоже не забыли. По штатному расписанию стрелковой дивизии полагалось 84 ротных миномета калибра 50 мм и 54 миномета калибра 82 мм (в пехотной дивизии вермахта соответственно 93 и 54). Небольшое (на 9 единиц) отставание по числу легких ротных минометов с лихвой перекрывалось тем, что на вооружении стрелковой дивизии Красной Армии было еще и 12 мощных 120-мм минометов. По весу снаряда (мины) и поражающему действию эта система была уже вполне сопоставима с немецкой 105-мм гаубицей.

Все вышеперечисленное – это штатное расписание апреля 1941 г. Но, может быть, «история отпустила Сталину мало времени» и всех этих пушек-минометов в натуре просто не было? Для полной ясности стоит посчитать самим. Берем выпущенный Главным артиллерийским управлением в

1977 г. (и ныне уже рассекреченный) статистический сборник «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.», берем исправный калькулятор и делим указанные в сборнике количества пушек, минометов и гаубиц на штатную численность вооружения стрелковой дивизии. В результате мы получаем некое условное число дивизий, которые можно было укомплектовать имевшимся артиллерийским вооружением. Да, разумеется, так мобилизационный план не составляют, но для оценки «общей ситуации» предложенный подход вполне уместен. Итак: (9. стр.248.250.252)

	Наличие, тыс. ед.	Кол-во дивизий
50-мм минометы	36 324	432
82-мм минометы	14 524	269
120-мм минометы	3 872	323
76-мм полковые пушки	4 701	261
76-мм дивизионные пушки	8 513	532
122-мм гаубицы	8 124	254
152-мм гаубицы	3 817	318

Как видно из приведенной таблицы, наличными запасами основных видов артиллерийского вооружения развертывание самой крупной армии мира было обеспечено полностью. Дивизионными «трехдюймовками» Красная Армия была обеспечена даже с таким избытком, что их порой ставили на вооружение артиллерийских батарей стрелковых полков, где штатно должны были быть легкие короткоствольные 76-мм пушки. Для самого внимательного читателя поясним, что штатное расписание горнострелковых, танковых, моторизованных и кавалерийских дивизий предусматривало

значительно меньшее число артсистем, нежели в стрелковых дивизиях. В частности, 122-мм гаубиц горнострелковой дивизии требовалось 24 (вместо 32 в стрелковой), танковой – 12, моторизованной – 16, кавалерийской – 8.

Не менее показательно и сравнение числа артиллерийских стволов Красной Армии по состоянию на начало июня 1941 г. с вооружением противника: (9, стр. 248, 250, 263)

	СССР	Германия
82-мм (81-мм) минометы	14 524	11 767
76-мм (75-мм) пушки всех типов	15 298	4176
105-мм гаубицы	— —	7076
122-мм гаубицы	8124	— —
107-мм (105-мм) пушки	862	760
122-мм пушки	1255	— —
152-мм (150-мм) гаубицы и пушки	6458	3802
203-мм (210-мм) гаубицы	871	403

Разобравшись с количеством, скажем пару слов и о качестве. Из общего числа 56,7 тыс. орудий (включая 23,5 тыс. зенитных и противотанковых пушек), которые состояли на вооружении Красной Армии в начале июня 1941 г., 52,4 тыс. орудий (92 %) поступили в войска в период с 37-го по 41-й год. (3) Для пушек и гаубиц, срок службы которых исчисляется десятками лет, это можно определить словами «почти новые». Что же касается новизны тактико-технической, то новейшие системы образца 36—39-х годов составляли уже значительную часть общего артиллерийского парка. Так, например, в войсках Киевского особого военного округа из общего числа 2203 пушек калибра 76,2 мм новые системы составляли половину (1069 единиц). По 122-мм гаубицам и

пушкам – 27 %, по 152-мм системам – 73 %. Для соседнего (и значительно более слабого) Одесского военного округа соответствующие цифры составляют 35 %, 13 % и 65 %. (33, стр. 79) Практически новым (и по времени разработки, и по дате выпуска) было все минометное вооружение, большая часть зенитных и противотанковых пушек. И останавливаться на достигнутом советское военно-политическое руководство не собиралось. Так, утвержденный 7 февраля 1941 г. план производства стрелкового и артиллерийского вооружения на 1941 г. предполагал выпуск 4 тыс. зенитных орудий калибра 85 мм, 2600 артсистем калибра 122 мм, 2500 артсистем калибра 152 мм, 2060 минометов калибра 120 мм, 1,8 млн. винтовок... (8)

Если по количеству и качеству артиллерийского вооружения Красная Армия не уступала ни одной армии мира, то уровень механизации советской артиллерии был совершенно уникальным. По штатному расписанию апреля 1941 г. гаубичному артиллерийскому полку обычной стрелковой (не моторизованной!) дивизии **на 36 гаубиц полагалось 72 трактора** (гусеничных тягача), 90 грузовых, 9 специальных и 3 легковые автомашины. Два тягача на одну гаубицу – это двукратное резервирование средств мехтяги, а вовсе не свидетельство непомерного веса артсистем. 122-мм гаубица весила порядка 2,5 тонны, 152-мм гаубица – 4,2 тонны. Для буксировки дивизионных гаубиц предназначались обычные трактора производства Сталинградского и Челя-

бинского заводов (СТЗ-3, С-60, С-65, в девичестве – «Катерпиллер»). Это именно то транспортное средство, которое в любой дождь и снег могло передвигаться по российским дорогам-направлениям. Высокая скорость буксировки орудий в стрелковой (т. е. пехотной) дивизии вовсе не обязательна – достаточно того, чтобы артиллерия просто не отставала от идущих пешком солдат. В любом случае наш противник о 72 гусеничных тягачах в артиллерийском полку даже и не мечтал. В единственном артиллерийском полку пехотной дивизии вермахта все артсистемы (включая 150-мм гаубицы) таскали шестеркой лошадей. Грузовых автомобилей в артиллерийском полку немецкой пехотной дивизии по штату было даже меньше, чем в гаубичном полку советской стрелковой дивизии (80 против 90). В целом на всю пехотную дивизию вермахта полагалось 615 грузовиков, что было все же больше, чем по штату советской стрелковой дивизии (529 грузовых и специальных). Единственное, в чем немецкая дивизия решительно превосходила стрелковую дивизию Красной Армии, так это в количестве легковых автомобилей (394 против 19). (11) Большая часть командного состава советской стрелковой дивизии должна была ходить пешком или ездить верхом (для этого в штате дивизии было предусмотрено 616 верховых лошадей). Спору нет, немецкий офицер перемещался в пространстве с несравненно большим комфортом. До тех пор, пока этим пространством были брусчатые мостовые старой доброй Европы. На тех направлениях, которые

в России назывались «дорогами», кобыла обладала гораздо большей проходимостью...

Стрелковая дивизия Красной Армии не уступала пехотной дивизии вермахта и по такому важнейшему для армий середины XX века показателю, как **средства противотанковой обороны**. В составе пехотной дивизии вермахта был истребительно-противотанковый дивизион, на вооружении которого числилось 36 противотанковых 37-мм пушек. Кроме того, в каждом из трех пехотных полков дивизии была рота ПТО с 12 противотанковыми 37-мм пушками. С учетом еще трех таких пушек в разведбате дивизии общее количество орудий ПТО составляет 75 единиц. Аналогичная схема распределения средств ПТО была принята и в стрелковой дивизии Красной Армии: отдельный противотанковый дивизион, на вооружении которого было 18 противотанковых 45-мм пушек, и еще по 12 «сорокапятков» в каждом из трех стрелковых полков. Всего 54 противотанковые пушки. Кроме того – и в этом было существенное отличие структуры артиллерийского вооружения советской стрелковой дивизии – для борьбы с танками командир дивизии мог привлечь и 16 длинноствольных 76,2-мм орудий из состава артиллерийского полка. Новейшие (разработки 36—39-го гг.) дивизионные 76,2-мм пушки – конструкции Грабина Ф-22 и УСВ при приемлемом для орудия НТО весе (1620–1480 кг) по параметрам бронепробиваемости значительно превосходили немец-

кие 37-мм противотанковые пушки Рак-36/37 и не уступали лучшей на лето 1941 г. немецкой 50-мм противотанковой пушке Рак-38. На дистанции до 1000 м Ф-22 пробивала лобовую (т. е. самую прочную) броню любого немецкого танка. К началу войны Красная Армия получила 4038 «дивизионов» Ф-22 и УСВ, что почти в четыре раза превосходило количество тех немецких танков (439 Pz-IV и 707 Pz-III серии Ни J), на которые стоило тратить 76-мм снаряд. Примечательно, что именно пушки Ф-22 оказались тем видом трофейного оружия, который вермахт поспешил взять себе на вооружение. Полтысячи Ф-22, захваченных летом 1941 г., после незначительной доработки (немцы растачивали зарядную камеру под большую длину гильзы своего бронебойного выстрела) были установлены на шасси легкого танка чешского производства Pz-38(t). В результате получилась импровизированная самоходка, которая в 1942 г. (наряду с новой 50-мм противотанковой пушкой Рак-38) стала главным средством борьбы с советскими танками.

Мощная противотанковая пушка является важным, знаковым, но отнюдь не единственным компонентом системы противотанковой обороны. Ничуть не менее важным является быстроходное и вездеходное «средство доставки» орудия на огневую позицию. Проблема заключается в том, что расстояние в 1,5–2 км от рубежа развертывания до линии вражеских окопов танк неспешно проползает за 5 минут. Соответственно противотанковый дивизион, прибывший к месту

прорыва с опозданием на полчаса, боевую задачу не выполнил и выполнить уже не сможет – танки противника скрылись за клубами дыма и пыли. Вопрос «быстроходности» в вермахте был решен отлично. Для транспортировки 37-мм орудий противотанкового дивизиона использовался трехосный грузовик фирмы «Крупп» Kfz 69. По шоссе эта достаточно легкая (2450 кг) для 110-сильного двигателя машина неслась со скоростью 70 км/час. Правда, без орудия. Ходовая часть 37-мм пушки не допускала транспортировки со скоростью более 30–35 км/час, так что высокая скорость Kfz 69 не могла быть использована на практике. Что же касается «вездеходности», то грузовик с двумя ведущими задними осями мог считаться «вездеходом» на автомагистралях Бельгии и Франции, но не на российском бездорожье.

В Советском Союзе пошли другим путем. Командование Красной Армии изначально решило, что средство транспортировки противотанковых орудий должно обладать проходимостью ничуть не меньшей, чем танк. Проще говоря – нужен полноценный гусеничный тягач. Такая машина – бронированный малогабаритный гусеничный тягач «Комсомолец» – была создана коллективом конструкторов под руководством Н. Астрова на базе узлов и агрегатов легкого плавающего танка Т-37 в конце 1936 г. Бронирование тягача защищало водителя от пуль винтовочного калибра и осколков снарядов. Машина могла буксировать орудия весом до 2 тонн (т. е. все имеющиеся и перспективные противотан-

ковые и дивизионные пушки), преодолевала ров шириной 1,4 м, брод 0,6 м, стенку высотой 47 см, ломала своим бронированным носом молодые елочки диаметром до 18 см, без прицепа забиралась в гору с уклоном до 45 градусов, разворачивалась на площадке диаметром в 5 метров. В целом, при удельном давлении гусениц на грунт 0,58 кг/см. кв (0,9–1,0 у средних немецких танков), «Комсомолец» превосходил по проходимости всех своих противников. Скорость? Гораздо ниже, чем у крупновского грузовика: 47 км/час по шоссе без груза и прицепа, 8—11 км/час с полной нагрузкой по пересеченной местности. Вероятно, это и есть пример того, что называется «разумная достаточность». Жалобы на «исключительно низкую надежность» советской бронетехники стали просто общим местом в писаниях современных российских историков (причем с каждым годом этот «плач Ярославны» все усиливается). Публику усиленно уговаривают поверить в то, что все наши танки/тягачи/бронемашины рассыпались в первые же дни войны, и вот из-за этого... Позволим себе не поверить кликушам – «Комсомолец», разумеется, разваливался, но не сразу. В финской армии трофейные «Комсомольцы» исправно трудились до 1961 (шестьдесят первого) года. Без новых заводских запчастей и замены моторов. Таких чудо-машин с 37-го по 41-й год включительно было выпущено 7780 единиц (всемирно знаменитая фирма «Крупп» выпустила за тот же самый период 7 тыс. грузовиков Kfz 69), к началу войны в частях Красной Армии числилось **6700** тя-

гачей этого типа. (17)

Много ли это – 6700 бронированных тягачей для противотанковых орудий? Все познается в сравнении. Танков в 17 танковых дивизиях вермахта на Восточном фронте было в два раза меньше (3266). Противотанковых орудий во всей Красной Армии было в два раза больше (14,9 тыс.). По штатному расписанию апреля 1941 г. противотанковому дивизиону стрелковой дивизии полагалось иметь 21 «Комсомолец». Таким образом, имевшимся в войсках количеством тягачей **можно было укомплектовать 319 стрелковых и моторизованных дивизий** (в реальности разворачивалось, как было уже выше отмечено, 229 таких дивизий). Стоит также отметить и тот факт, что наряду с бронированными тягачами, «созданными на базе шасси плавающего танка», в стрелковых дивизиях Красной Армии были и сами эти плавающие танки Т-37/ Т-38/ Т-40. Такими боевыми машинами вооружался разведбат стрелковой и моторизованной дивизии – роскошь, ни одной другой армии мира недоступная. По штату дивизии полагалось 16 плавающих танков, фактически, по состоянию на 1 июня 1941 г., в военных округах числилось 3447 танков Т-37/ Т-38/ Т-40. (1. стр. 597) В среднем по 15 танков на одну дивизию. В среднем. На направлении главного удара, в Киевском и Одесском округах, обнаруживаются стрелковые дивизии, в которых было по 20–27 плавающих танков (30-я, 51-я, 58-я, 97-я, 99-я, 130-я, 140-я, 156-я, 169-я). (76) Плавали эти танки, конечно же, плохо – хуже прогу-

лочного катера, – но преодолеть лесную речку без брода и моста или отбуксировать легкую противотанковую пушку на огневую позицию вполне могли.

Наивысшей возможной подвижностью обладали воздушно-десантные войска Красной Армии (пять воздушно-десантных корпусов по три бригады в каждом и одна отдельная бригада ВДВ). Сразу же отметим, что НИ ОДНОГО немецкого воздушно-десантного соединения на Восточном фронте в 1941 году не было. ВСЕ бесчисленные упоминания о «парашютных десантах противника», встречающиеся не только на страницах мемуарной литературы, но и в боевых донесениях лета 41-го года, являются вымыслом. Что же касается советских ВДК, то «корпусами» они были названы с большим преувеличением. Численность личного состава ВДК составляла всего 8020 человек, т. е. этот корпус был значительно меньше стрелковой дивизии. Коммунистические историки про развертывание в «неизменно миролюбивом» Советском Союзе воздушно-десантных войск, численность которых превышала число всадников в войске хана Батия, старались не вспоминать. В последние же годы, с легкой руки В. Суворова, стали традиционными сетования на то, что великолепно подготовленных и мужественных диверсантов с одним десантным ножом в руках «бросили под немецкие танки...». И хотя доля истины в этом утверждении есть, подробное знакомство со штатным расписанием совет-

ского ВДК заставляет усомниться в том, что в обычном общевойсковом бою корпус был столь уж беззащитен. Кроме парашютов и ножей, на вооружении ВДК полагалось иметь: 4500 самозарядных винтовок, 1257 автоматов, 440 ручных пулеметов (больше, чем в стрелковой дивизии), 60 минометов, 864 ранцевых огнемета (!), 18 полковых 76,2-мм пушек, 50 плавающих танков Т-38/Т-40, 241 автомашину. По сути дела, под названием «воздушно-десантный корпус» создавались высококомобильные, прекрасно вооруженные стрелковые бригады, с возможностью парашютного или посадочного десантирования части личного состава и вооружения в тыл врага.

Еще одним, намертво вбитым в массовое сознание мифом является СВЯЗЬ, точнее говоря – ее отсутствие, какое отсутствие связи и послужило причиной всех бед. Почему именно этот миф оказался едва ли не самым живучим из всех созданий советских историков-пропагандистов? Вероятно, потому, что он является почти правдой. **Связи действительно не было.** В первые часы, дни и недели войны всякий обмен информацией между штабами и частями всех уровней был практически полностью парализован. Вышестоящее командование, как правило, не имело никакой информации о положении, действиях, потерях своих подчиненных. Части и соединения собственной армии искали с помощью разведывательной авиации – невероятно, но факт.

Противник «внезапно» обнаруживался за десятки (а в первые дни войны – и за сотни) километров от линии фронта, которую – судя по запоздалым донесениям – якобы еще удерживали наши войска (именно эти события и породили бесчисленные слухи о «немецких авиационных десантах»). Все это сушая правда. Далее советские «историки» с ловкостью, которой позавидовали бы матерые карточные шулера, передергивали эту правду, подменяя **факт отсутствия связи** между командными инстанциями **заведомо ложным тезисом об «отсутствии технических средств связи»**. Что совсем не одно и то же.

Для установления связи нужны:

- субъект, с которым хотят войти в связь;
- желание субъекта войти в связь;
- и только если первые два условия наличествуют, то возникает нужда в технических средствах связи (например, в барабанах, тамтамах, охотничьих рожках, сигнальных ракетах и пр.).

Поясним эту нехитрую теорию простым бытовым примером. Если у вас нет ребенка, то вам до него и не удастся дозвониться. Если ребенок уже есть, но он ушел на день рождения к другу и не хочет вовремя возвращаться домой, то даже два сотовых телефона (плюс домашний телефон в квартире друга) вам не помогут. Телефон будет все время «занят», в сотовом «сядет батарейка», нажмет «не та клавиша»... Наполеон, Суворов и Кутузов командовали огромны-

ми армиями с многочисленной артиллерией вообще без единого телефона. В Первую мировую войну связь в многомиллионных армиях, вооруженных уже танками и аэропланами, успешно строилась на использовании проводных телефонов, в то время как радиостанции были редкой экзотикой. Наконец, превосходным «техническим средством связи» был и остается посыльный на верховой лошади, мотоцикле, автомобиле, лодке, танке, легком самолете, вертолете...

«...22 июня в 6 час. 50 мин. я переправился на штурмовой лодке через Буг... двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через реку Лесна... в течение всей первой половины дня 22 июня я сопровождал 18-ю тд... 23 июня в 4 час. 10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки в 23 км восточнее Брест-Литовска. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 часов... Потом я поехал в Пружаны, куда был переброшен командный пункт танковой группы... 24 июня в 8 час. 25 мин. я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму. По дороге я наткнулся на русскую пехоту, державшую под огнем шоссе... я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции... в 11 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима, где кроме командира дивизии я встретил командира 47-го

корпуса...» (16)

Вот так, очень доходчиво, Г. Гудериан объясняет, почему Красная Армия на собственной территории оказалась «без связи», а немецкая армия на нашей территории – со связью. Просто командиру 17-й танковой дивизии вермахта никуда не надо было звонить. Его непосредственный начальник – командир 47-го танкового корпуса – вместе с ним на одном командном пункте лично руководит боем, а самый среди них главный начальник – командующий танковой группой генерал Гудериан – по несколько раз задень, под огнем противника прорывается в каждую из своих дивизий.

И наоборот – даже поголовное оснащение штабов Красной Армии терминалами спутниковой связи ровным счетом ничего не изменило бы в ситуации, когда командиры уже разбежались или когда они (командиры) не желают общаться с вышестоящими командирами просто потому, что ничего хорошего доложить им не могут. И не 22 июня 1941 года «внезапно» обрушилась на Красную Армию эта напасть. *«Выехав к месту событий, т. Блюхер всячески уклонялся от прямой связи с Москвой... трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером».* Это выдержка из приказа наркома обороны Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года, и приказ этот был посвящен локальному вооруженному конфликту у озера Хасан. С началом Большой Войны ситуация стала неизмеримо хуже, и никакие провода, никакие рации

на бронепоезде не могли уже наладить связь в армии, в которой командиры и штабы пропадали сотнями и тысячами.

А провода были. В огромных количествах. Так, в одном только Западном ОВО (согласно докладной записке начальника штаба округа генерал-майора Климовских от 19 июня 1941 г.) в распоряжении службы связи округа было 117 тыс. изоляторов, 78 тыс. крюков и 261 тонна проводов. (66, стр. 44) Всего же в Красной Армии по состоянию на 1 января 1941 г. числилось 343 241 км телефонного и 28 147 км телеграфного кабеля. Этим количеством можно было обмотать Землю по экватору 9 раз. Телефонных аппаратов всех типов числилось 252 376 штук. В среднем – **более 800 аппаратов на одну дивизию**. Телеграфных аппаратов было, разумеется, значительно меньше – «всего» 11 049 штук, в том числе 247 аппаратов «БОДО» для шифрованной связи. (4, стр. 623). Но, по общему мнению советских историков, все это совершенно «не то». Красная Армия воевать без радиации никак не могла. И все знают почему – немецкие диверсанты в первые же часы войны все провода перерезали. И вот поэтому... Диверсанты и вправду были. Каждой из четырех танковых групп вермахта было придано по одной роте диверсантов из состава полка особого назначения «Бранденбург». В составе роты было 2 офицера, 220 унтер-офицеров и рядовых, в том числе 20–30 человек со знанием русского языка. (46, стр. 55) В распоряжении этого несметного полчища врагов было всего несколько часов (из соображений секрет-

ности немцы начали резать провода только перед самым рассветом 22 июня 1941 г.). Советских партизан в Белоруссии перед началом операции «Багратион» (июнь 1944 г.) было, как принято считать, более 200 тысяч. Время для перерезания проводов было практически неограниченным – война шла уже третий год, так что скрывать враждебные действия и намерения было уже незачем. Удалось ли тогда, в июне 44-го, на той же самой местности перерезать «все провода» и оставить немецкую армию без связи?

Рации в Красной Армии тоже были (поэтому оставить эту армию «без связи» при помощи одних только ножниц было невозможно в принципе). В качестве иллюстрации к вопросу о реальной оснащенности Красной Армии средствами радиосвязи приведем данные из мобилизационного плана МП-41 (в дальнейшем мы будем еще многократно возвращаться к этому важнейшему документу), подписанного Тимошенко и Жуковым 12 февраля 1941 г. По состоянию на 1 января 1941 г. в Вооруженных силах СССР числилось: (6, стр. 622–623)

- фронтовых радиостанций (РАТ) – 40 штук (в среднем по **8 на каждый из пяти будущих фронтов**);
- армейских и корпусных (РАФ, РСБ) – 1613 штук (в среднем по **18 на каждый стрелковый и мехкорпус**);
- полковых (5АК) – 5909 штук (в среднем по **4 на каждый полк**).

Итого – 7566 радиостанций всех типов. Разумеется, в

это число не вошли танковые и самолетные радиостанции. И это – на первое января 1941 г. Заводы продолжали свой «мирный созидательный труд», и к 22 июня средств радиосвязи должно было стать еще больше. Так, план 41-го предусматривал выпуск 33 РАТ, 940 РСБ и РАФ, 1000 5АК. В записке по мобилизационному плану МП-41 почему-то отсутствуют данные по наличию предшественницы РАФа – мощной (500 Вт) радиостанции 11-АК, хотя этих комплексов в войсках было очень много. Так, в Киевском ОВО (58 дивизий) по состоянию на 10 мая 1941 г. числилось 5 комплексов РАТ, 6 РАФ, 97 РСБ, 126 станций 11-АК и 1012 полковых 5АК. (6. стр. 191) Даже не считая полковые 5АК, получается в среднем по **4 мощных радиостанции на одну дивизию.**

Теперь стоит пояснить – что обозначают все эти большие буквы. Самая маломощная из упомянутых радиостанций (5АК) имела радиус действия 25 км при телефонной связи и 50 км – при телеграфной связи. Т. е., хотя она и считалась в Красной Армии «полковой радиостанцией», ее реальный радиус действия в несколько раз превышал уставную ширину фронта обороны дивизии! 5АК имела размеры большого сундука и могла перевозиться как в кузове автомобиля, так и в конных двуколках. Радиостанция РСБ стандартно устанавливалась на шасси автомобиля, имела излучаемую мощность до 50 Вт и обеспечивала дальность телефонной связи в 300 км, т. е. фактически в полосе действий армии или даже фронта. РАФ – это значительно более мощ-

ный (400–500 Вт) комплекс аппаратуры, установленной на двух грузовиках ЗИС-5. Подлинным чудом техники 40-х годов мог считаться комплекс РАТ. Огромная мощность (1,2 кВт) позволяла обеспечить связь телефоном на расстоянии в 600 км, а телеграфом – до 2000 км. Схема передатчика предоставляла возможность работы на 381 фиксированном канале связи с автоподстройкой частоты. Для перевозки всего оборудования РАТ вместе с системой автономного энергообеспечения использовалось три автомобиля ЗИС-5, расчет станции составлял 17 человек. Примечательно, что по мобилизационному плану МП-41 Красной Армии полагалось иметь 117 (!!!) фронтовых комплексов РАТ. Фактически же Красная Армия дошла до Берлина, никогда не имея на вооружении более полусотни РАТ одновременно...

Кроме вышеперечисленных мощных автомобильных радиоустановок, на вооружении Красной Армии были десятки тысяч переносных радиостанций батальонного и даже ротного звена (РБ, РБК, РБС, РБМ) мощностью в 1–3 Вт и радиусом действия в 10–15 км. Таких радиостанций по состоянию на 1 января 1941 г. числилось **35 617 единиц**.

Более **100 радиостанций тактического звена на одну дивизию**. Разумеется, этого очень-очень мало. В большой статье с красноречивым названием «Истоки поражения в Белоруссии» автор с горестным вздыханием сообщает читателям, что войска Западного ОВО были обеспечены *«полковыми радиостанциями – на 41 %, батальонными – на 58 %,*

ротными – на 70 %» (56) И он совершенно прав – штатной укомплектованности не было. По штатному расписанию стрелковой дивизии Красной Армии образца апреля 1941 г. в одном гаубичном артполку должно было быть 37 радиостанций (на 36 гаубиц), в артиллерийском полку – 25 радиостанций (на 24 орудия), 3 радиостанции в стрелковом полку и по 5 радиостанций в каждом из трех батальонов полка.

Вопреки размноженным в многомиллионных тиражах слухам, рация стояла и на бронепоезде, и на танках.

Еще в 1933 году была запущена в серийное производство специальная танковая радиостанция 71-ТК-1. Эта коротковолновая приемо-передающая симплексная радиостанция обеспечивала дальность связи телефоном на ходу до 15 км, телефоном на стоянках – до 30 км, в телеграфном режиме – до 50 км. Этими радиостанциями оснащались и бронемашинны БА-10/20. Как минимум рация стояла на танке командира взвода (т. е. на каждом третьем танке). Фактически к началу войны 35–40 % танков были оборудованы приемо-передающими радиостанциями. Например, в далеко не самой лучшей по укомплектованности (163 танка, т. е. половина от штатной численности, причем ни одного танка Т-34 или КВ) 19-й танковой дивизии к 10 июня 1941 г. числилось:

- 2 мощные радиостанции РСБ;
- 4 полковые радиостанции 5-АК;
- 16 батальонных РБ;
- 85 танковых У1 – ТК-1.

Вот такая она была – Красная Армия образца июня 1941 года. Стоит ли удивляться тому, что ни Жуков, ни Тимошенко, ни Шапошников, ни Мерецков, ни весь «руководящий состав Генерального штаба» не ожидали «сокрушительных рассекающих ударов противника»? Они настойчиво и целеустремленно готовились нанести их сами. На 25 июня 1941 г. было назначено очередное заседание Главного Военного совета РККА, на котором наконец-то должен был быть утвержден самый окончательный вариант Полевого устава ПУ-39. Задачи, поставленные перед Красной Армией, были сформулированы в этом документе с предельной ясностью:

«...Если враг навязет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение. Основной целью Красной Армии будет достижение решительной победы и полное сокрушение врага...

...Весь личный состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии должен быть воспитан в духе непримиримой ненависти к врагу и непреклонной воли к его уничтожению. Пока враг не сложил оружия и не сдался, он будет беспощадно уничтожаться...

...Всякий бой – наступательный и оборонительный –

имеет целью нанесение поражения врагу. Но только решительное наступление на главном направлении, завершаемое окружением и неотступным преследованием, приводит к полному уничтожению сил и средств врага. Наступательный бой есть основной вид действий РККА...

...В любых условиях и во всех случаях мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью...

... Наступление является основным видом боя, обеспечивающим уничтожение противника и достижение полной победы... Наступление является выражением превосходства над противником».

Глава 3 «Броня крепка, и танки наши быстры...»

Просто заявить о том, что *«Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»*, мало. Надо было создать соответствующие этой задаче инструменты. Главной ударной силой сухопутных армий середины XX века были танковые войска. Ни одна страна в мире не приложила такие огромные усилия – и не достигла таких огромных успехов – в деле создания этой ударной составляющей вооруженных сил, как Советский Союз. Ни одна страна в Европе не имела таких преград и трудностей в деле создания бронетанковых войск, какие имела Германия, которой – повторим это еще раз – по условиям Версальского мирного договора было вовсе запрещено производить танки или закупать их за рубежом. В результате, в то время (начало 30-х годов) когда в Советском Союзе началось серийное производство танков и были созданы первые в мире крупные бронетанковые соединения, немецкий рейхсвер проводил полевые учения с картонными макетами несуществующих танков. После прихода Гитлера к власти и отказа (сначала фактического, а потом – и формального) Германии от выполнения ограничений Версальского договора началось проектирование первых немецких учебно-боевых бронированных машин. Вот как описывает историю их разработки главный

идеолог и создатель танковых войск Германии Г. Гудериан:
*«...Мы считали необходимым создать пока такие танки, которые могли бы быть использованы для учебных целей...
Такие танки, получившие обозначение Pz-I, могли быть изготовлены к 1934 году и использованы в качестве учебных машин до того времени, пока не будут готовы боевые танки...»*

Никто, конечно, не думал в 1932 г. что с этими небольшими учебными танками нам придется вступить в бой...»
Впрочем, были у Pz-I и вполне ощутимые достоинства. Все тот же Гудериан пишет в своих мемуарах: *«Школьники, которые прежде протыкали наши макеты своими карандашами, чтобы заглянуть внутрь, были поражены новыми бронемашинами...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.